
В. В. КУЛАЧКОВ

**НАРОДНЫЕ ОБРАЗЫ ВЛАСТИ
В ПЕРВОЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЕ
(на материалах Западного региона России)**

Отношение крестьянства к власти традиционно было двойственным. С одной стороны, крестьянство не мыслило себя вне сфер государственного влияния, с другой – государство, отождествляемое с массой представителей властных органов, воспринималось им как негативная величина и зло. Несоответствие социально-экономической политики власти социальным ожиданиям основной массы крестьянства способствовало постепенному разрушению идеального образа советской власти, сформировавшегося в послереволюционный период. В массовом сознании крестьянства Западного региона России присутствовали различные образы власти – от идеального, который формировала пропаганда, до реального, на основе жизненной практики.

***Ключевые слова:** народные образы власти, крестьянство, власть, государство, Западный регион России, послереволюционный период.*

Образ власти является важнейшим элементом политической психологии народа и эпохи, это неотъемлемая часть картины мира людей, то есть вытекающей из ментальности системы представлений о реальности. Кроме того, взгляды на власть в послереволюционных условиях – это взгляды на стратегию и тактику витализма, то есть выживания индивидуального человека и семей в условиях нового государственного строя. Несомненно, послереволюционный период был наиболее сложен в смысле перехода от существовавшей ранее общественно-политической модели к новой, не имеющей аналогов в мировой истории.

Изучение народных образов власти создает возможности для комплексного рассмотрения проблемы взаимоотношений крестьянства с большевистской властью на региональном уровне. Разработ-

ка этой проблематики позволяет оценить степень воздействия новых реалий на состояние мировоззрения этого самого многочисленного слоя населения и проанализировать возможности альтернативного варианта развития Западного региона России в последующий период.

Следует иметь в виду одно важное обстоятельство: коренные отличия, которые характеризуют в восприятии народа высшую и центральную власть, с одной стороны, и местную и низовую – с другой. Эти отличия являются одной из особенностей политической культуры России, проявлявшейся на протяжении веков и не утратившей своего значения и в наши дни. В этой ситуации отношение крестьянства к власти традиционно было двойственным. С одной стороны, крестьянство, зависимое от государственных поставок хлеба и других товаров, не мыслило себя вне сфер государственного влияния, с другой – государство, отождествляемое с массой представителей властных органов, воспринималось им как негативная величина и зло. В деревне противопоставляли и по-разному оценивали центральную власть («советскую власть» в целом) и местную власть (волисполкомы и сельсоветы), «советскую власть» и «Коммунистическую партию». При этом если отношение к советской власти характеризовалось как «удовлетворительное», то к местным органам власти – преимущественно как «отрицательное», к Коммунистической партии – как «недоверчивое» и «враждебное». Отношение населения Западного региона к новой советской власти в данный период было различным и колебалось в пределах от доброжелательного до прямо враждебного вследствие множества причин. В большей степени настроения населения зависели от практических действий и морального облика ближайших начальников, с которыми чаще народ и имел дело. Например, население часто возмущало то, что коммунисты, объявляя о мобилизации, сами на фронт идти не желают. Жители одной из волостей Болховского уезда заявили агитаторам: «...мы совсем не пойдем а если пойдем то только тогда когда отправят всю красную армию и милицию и других коммунистов на фронт» (ГАОО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 24. Л. 46).

Историческая действительность первых послереволюционных лет создавала сложное переплетение властных институтов различ-

ных уровней, представлявших различные органы. В условиях Гражданской войны контроль над деятельностью этого сложного аппарата на местах был слабым. Архивные материалы указанного периода содержат весьма уместные и логичные предложения по этому поводу: «отменить слова “власть на местах”, сделать так, чтобы власть была одна – центральная, которая одна бы издавала законы и приказы. Советы же – как губернские, так и все прочие, должны быть исполнителями законов, отнюдь, делая ничего этого от себя, за что строго наказывать. А то в настоящее время идет такая неразбериха: на местах признают только те декреты, которые им нравятся, или подходят им чем-то» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 9. Л. 45). Как отмечал в 1925 г. будущий нарком земледелия и заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК Я. А. Яковлев, в сознании крестьян от Калинина, Троцкого, Рыкова до волисполкома – огромный разрыв, зияющая пустота. Разные оценки высших властей и низовых органов наблюдались даже в письмах безоговорочных и убежденных сторонников большевиков. Так, например, среди писем, приходивших в «Крестьянскую газету» в 1925 г., по подсчетам И. А. Кузнецова, более 25 % составляли «письма-агитки», послания идейных и твердых сторонников советской власти (Кузнецов 1996: 133).

Разрушение крестьянских иллюзий относительно советской власти было основной причиной изменения вектора политических настроений крестьянства в сторону негатива и его конфронтации с властью. В феврале 1919 г. агитационно-организационный отдел губкомитета Орловской парторганизации прямо констатировал, что «в последнее время с разных сторон Орловской губернии в губком партии поступают жалобы на незаконные действия советской власти» (ГАОО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 4. Л. 16). Подтверждением этого может служить выдержка из доклада по Смоленской губернии Ф. М. Федорова, работавшего в апреле 1920 г. при агитационном поезде: «В деревне промыслов никаких, кустарных начинаний нет... До сего времени подталкивали боевые лозунги и мы побеждали, за победой население ждало улучшения, а земного рая не видно и до сих пор» (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 346. Л. 1).

Власть имущие на местах высказывали все большие претензии к вседозволенности и распущенности. Курсант высшей стрелковой

школы Федор Бобриков писал в парткомитет курсов «Выстрел»: «...меня до крайности поразило, что Советскую власть хотят закопать. Крестьянин лишен всякой свободы. Что ни скажет, считают саботажником, ни за что арестовывают. Применяют плетки, оружие, а кого следует, того не наказывают» (Заявление... 1998: 246–247). Он так описывал обстановку дома (Орловская губерния, Малоархангельский уезд, Губкинская волость, село Орляки, январь 1921 г.): «Крестьяне только запуганы всевозможными агентами и отрядами, которые воспитывают дулом и плеткой, совершенно не нужны в деревне с таким примером» (Там же: 248). Курсант курсов «Выстрел» И. К. Петров в 1921 г. после поездки домой (Смоленская губерния, Юхновский уезд, Ильи-Жаденская волость) сообщал в заявлении в партком: «...сильно распространены незаконные обыски и реквизиции продуктов у крестьян, даже выполнивших разверстку... При обысках практикуется запугивание крестьян, оружием и арестом. В общем, ведут себя, как бандиты, и этим наводят страх на местное население» (Там же: 246). Действительно, в первые годы существования Советской власти таких случаев было огромное количество. Орловский губком партии докладывал в ЦК РКП(б): «Конец марта и первая половина апреля прошли под полосой кулацких восстаний, охвативших в той или иной степени все почти уезды (за исключением Карачевского и Мценского)» (Переписка... 1972: 415). Секретарь Елецкого укома РКП(б) К. Гроднер настаивал на применении репрессий при сборе чрезвычайного налога (Осипова 1996: 106).

В основе формирования представлений крестьянства о советской власти лежали декларируемые властью программно-идеологические установки, согласно которым основной целью советской власти провозглашалось строительство социализма. Что такое социализм, крестьяне понимали по-своему и оценивали советскую власть с точки зрения ее соответствия своим социальным ожиданиям. Крестьяне считали, что социализм – это «рай на земле», «новое земное царство», то есть «хорошая жизнь», «свободная страна», всеобщее «равенство» и «процветание», «царство труда». Одним из контуров будущего было провозглашаемое большевиками понятие «социализм», в котором воплотилось стремление к новой жизни на фоне осознания несправедливости прежнего общественного устройства. В этой веко-

вой мечте слились разноплановые ожидания светлого времени, которые в крестьянской среде облекались в конкретно-материальные формы. Так понятие «социализм» у крестьян препарировалось в землеустройство и локализовалось в традиционном вопросе землепользования. Аналогично заземленным было и представление о коммунизме, ассоциирующееся с «коммуной»: «При коммуне нет жен, все общее. Если бы согнать баб в коммуну, то вот была бы чертовщина» (Булдаков 1997: 220).

В первые послереволюционные годы для крестьянства была характерна идеализация и персонификация образа советской власти. Идеальный тип коммуниста яркими красками рисовался на страницах официальных губернских и уездных газет, он же обогащался выступлениями ораторов на многочисленных митингах. Требования соответствия идеалам революционера выдвигали инструкции, распоряжения партийных центров.

Отношение к советской власти во многом определялось тем, что при всем недовольстве «нашей властью» крестьяне не хотели восстановления «старой власти» (монархии) и выступали за республиканскую форму правления. Необходимо также учитывать сознательные действия властей, направленные на легитимацию режима. Ни одна власть никогда так не уверяла общественность, что она власть народная, ни одна власть не апеллировала столько к народу, ни одна власть не давала народу столько обещаний, сколько советская. Этот образ подкреплялся революционными мифологемами и преклонением перед авторитетом личного дара вождя революции В. И. Ленина и ведущих партийных деятелей (Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, М. И. Калинина и др.). О том, что в партии коммунистов действительно были идейные личности, писала газета «Известия Бежицкого совета рабочих депутатов», бывшая оппозиционной власти до августа 1918 г. «Правда идейных представителей в рядах большевиков не густо, но все же они есть и с ними приходится считаться» (Бежицкие... 1918). В крестьянской массе достаточно отчетливо сформировался иной облик коммуниста. Рядовые граждане ясно ощущали плохо скрываемое высокомерие и желание делить людей на избранных и всех остальных. «Сколько надменности, неприступности, самомнения у владельцев изящных портфелей; они мнят себя творцами, изобретателями, а толку?»

«Прут» и губят дело, и потом взваливают свою малограмотность на какие-то объективные причины», – описывал «стиль руководства» местной власти автор одного из писем В. М. Молотову в 1930 г. (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 89. Д. 17. Л. 269–274 об.). И далее он замечает: «В учреждениях, вместо упрощения и четкости, вырос полный бюрократизм, не говоря уже о возмутительном отношении с посетителем».

Несоответствие социально-экономической политики власти социальным ожиданиям основной массы крестьянства способствовало постепенному разрушению идеального образа советской власти, сформировавшегося в послереволюционный период. В конце 20-х гг. XX в. по мере усиления классовой направленности политики большевистской власти зажиточные крестьяне и середняки стали подвергать сомнению тезис о народном характере советской власти.

Индикатор настроения крестьянства изменился в лучшую сторону после введения нэпа. Калужская губерния: «Общеполитическое настроение губернии делится на два периода: до и послемартовское. ... Кампания продрозверстки, проводимая продорганами еще больше восстановила крестьян против Советской власти, когда приходилось брать у крестьян последнее... В послемартовский период, после отмены продрозверстки и замены ее продналогом, с связи с некоторыми послаблениями в торговле и провозе хлеба, настроение среди населения резко изменилось в пользу Советской власти и Коммунистической партии» (Отчет... 1921: 7–8). Брянская губерния: «Приветствуем распоряжение рабоче-крестьянского правительства о введении единого сельхозналога» (Восстановление... 1960: 325) – сообщалось в постановлении беспартийной крестьянской конференции Бежицкого уезда.

Традиционным для крестьянства было обращение с просьбами и жалобами в различные местные и центральные административные и судебные учреждения по различным вопросам. В период Гражданской войны центральные органы власти получали множество писем с жалобами на действия местных властей. О массовости этого явления свидетельствуют сводные данные, имевшиеся в Наркомате государственного контроля. Так, в 1919 г. на губернские Советы жаловались всего 5,4 % обратившихся с жалобами на те

или иные органы власти, а в 1920 г. – соответственно 3,4 %. Между тем за те же годы на волостные и сельские советы жаловались уже соответственно 10,4 % и 15,3 %. На местные чрезвычайные комиссии жаловались в тот же период 16,4 % и 11,9 %, а на «другие советские учреждения» – 35,4 % и 31,0 % (Гимпельсон 1998: 173–174). Новым явлением было обращение крестьян в редакции газет с просьбами о разъяснении основных положений социально-экономической политики власти. Наиболее ярко это сказалось на потоке писем, направляемых в «Крестьянскую газету». Уже в 1924 г. количество посланий, пришедших в редакцию, составило 243 тыс., а за десять лет (1923–1933) газета получила более 5 млн писем. Поначалу крестьяне активно обсуждали проблемы построения «рая на земле», превозносили отдельных «хороших» коммунистов и разоблачали «дурных», с 1928 г. появляется больше критических оценок, а в 1929 г. письма крестьян в основном отражают недовольство советской властью, причем иные корреспонденты выставляют большевикам своеобразный счет за невыполнение обещанного (Неизвестная ... 1993: 200–201).

Во второй половине 20-х гг. XX в. крестьяне стали направлять заявления, прошения и ходатайства в избирательные комиссии волостного, уездного, губернского уровней и во ВЦИК, ЦК ВКП(б) и первым лицам государства в связи с решением различных вопросов. Так, крестьяне-уполномоченные Е. Т. Бондарев и П. Г. Сиволобчиков от хутора Сокольники Ленинской волости, Боровского уезда, Калужской губернии в письме председателю ВЦИК Калинину от 9 мая 1920 г. писали: «Выполнение этих нарядов (*продразверстка*) производилось вооруженным продотрядом, и скот у некоторых брался влиянием силы оружия. Подобные распоряжения Боровского Райпродкома окончательно подрывают доверие власти, и в ней многие теперь видят безнаказанные, чуть ли не диктаторские, неправильные в тоже время распоряжения» (Неизвестная... 1993: 170).

Крестьянство 20-х гг. не представляло собой однородной массы, поэтому политическое руководство страны осуществляло поиск социальной опоры режима в деревне. Поддержка «старательного хозяина-средняка» в начале 20-х гг. сменилась либерализмом по отношению к зажиточным слоям деревни в 1924–1925 гг., а затем пропагандой смычки бедняков и середняков для борьбы с «кулац-

кой опасностью» в 1926–1927 гг. В сознании крестьянства Западного региона России присутствовали различные образы власти – от идеального, который формировала пропаганда, до реального, на основе жизненной практики. Кроме того, образ власти в народном сознании являлся частью картины мира и характеризовался сложным комплексом мифов и стереотипов. Существовали определенные противоречия между утвердившимися к концу 20-х гг. обликами высшей и местной власти. В народном сознании это были практически несочетаемые категории – высшая власть зачастую мифологизировалась и наделялась идеальными качествами, тогда как бюрократия на местах воспринималась как ответственная за все проблемы в жизни народа. Основы образа советской власти в народном сознании были сформированы в годы Гражданской войны, то есть в чрезвычайных условиях, что приводило и в условиях нэпа к настороженному и подозрительному отношению к любым властным действиям. Нэповский компромисс формировал и переходный тип народных образов власти (Лившин 2010: 133).

Литература

- Бежицкие** известия. 1918 г. 23 июля.
- Булдаков, В. П.** 1997. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. М.: РОССПЭН.
- Восстановление** народного хозяйства Брянской губернии (1921–1925 гг.): сб. документов и материалов. Брянск, 1960.
- Гимпельсон, Е. Г.** 1998. *Советские управленцы. 1917–1920 гг.* М.: ИРИ РАН.
- Заявление** курсанта Ф. М. Бобрикова в парткомитет курсов «Выстрел». *Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям* / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 1998.
- Кузнецов, И. А.** 1996. *Письма в «Крестьянскую газету» как источник для изучения менталитета российского крестьянства 1920-х годов*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Лившин, А. Я.** 2010. *Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг.* М.: РОССПЭН.
- Неизвестная** Россия. XX век: в 4 т. Т. 3. М., 1993.

Осипова, Т. В. 1996. Крестьянский фронт в гражданской войне. Судьбы *российского крестьянства*. М.

Отчет Калужского губернского исполнительного комитета. VI губернский съезд советов. С 1 ноября 1920 по 1 мая 1921 гг. Калуга, 1921.

Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (апрель – май 1919 г.). Сб. документов. Т. VII. М., 1972.

Архивы:

ГАОО – Государственный архив Орловской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.